

Это далеко не всё, что там было записано. Некоторые не очень интересные и почти все интимные моменты я не стал публиковать. Хотя и говорят, что бумага всё стерпит, но рамки приличия ещё никто не отменял.

Мысль о том, что эти заколдованные люди принесут баснословные деньги не только мне, моему цирку, но и им самим, вселилась в меня так глубоко, что избавиться от неё я не смог.

Может быть, напишу когда-нибудь мемуары о том: как рисковал своей жизнью и в одиночку ходил к главе этого необычного семейства, чтобы уговорить его «подписать контракт»; как вёл самые страшные в своей жизни переговоры на грани жизни и смерти... из его желудка, и чуть не стал очередной жертвой немыслимой «пищевой цепочки»; как благодаря его младшей доченьки меня «помиловали», и она буквально вытащила меня из него; как привёз их на съёмную квартиру, где начали репетировать трюки, от которых волосы встают дыбом, подташнивает от страха и куда десятками килограмм ежедневно привозил свежайшее отборное мясо, живых кур, кроликов, поросят, баранов и других домашних животных, что покупал на местном рынке; как пришлось рисовать специальной краской костюмы для выступления, потому что мои новые подопечные наотрез отказывались одеваться, благо под растянутым животом их главаря не было видно того, что мы стесняемся показывать; как прошла премьера «смертельного номера» под громкие крики изумлённой публики; как конферансье грохнулся в обморок во время шевеления в животе высокого мужчины его младшей дочери; как за кулисами тайком пришлось срочно вытаскивать её и потом доказывать полицейским, что все живы, здоровы, и извращённо врать, что этот трюк не настоящий, а всего лишь фокус-покус с иллюзионным уклоном; как полный провал выступления превратился в мой настоящий нервный срыв, который основательно погубил всё начатое дело.

А пока расскажу лишь, чем закончилось это провальное выступление в цирке, а потом немного о том, как я теперь живу.

До сих пор не могу это забыть! Как вспомню – волосы встают дыбом, и холодные мурашки бегают по спине. Захожу в гримёрку к своим подопечным и вижу такую картину: все сидят с умиротворённым видом, полуприкрытыми глазами от удовольствия и поглаживают свои огромные, шевелящиеся животы. После этого зрелища у меня начала появляться седина. Хорошо, что полицейские быстро ушли, и не заглянули в гримёрку. Иначе дело кончилось бы неизвестно чем.

И так, по порядку. Внутри Шурочки был четырёхметровый удав, которого вся труппа боялась больше чем трёх наших тигров. Внутри Люси находился дрессировщик этого пресмыкающегося, которого боялись больше чем удава. Внутри Вики – помощница дрессировщика, а вот внутри Виктора и его жены оказались совсем посторонние лица – хозяин закрытого клуба по интересам со своей толи любовницей, толи помощницей. Естественно, по моему немедленному требованию, все тут же были «выпущены на свободу». Помощницу дрессировщика я больше не видел. Она так перепугалась, что за несколько минут собрала все свои пожитки и скрылась в неизвестном направлении, даже трудовую книжку не попросила.

– Забирай своего червяка и проваливай. Если он ещё раз заползёт сюда – его последнее шоу будет в моём желудке! – Шура с великим сожалением за хвост вытащила из себя толстую с облупленной чешуёй змею, наматывая на свой локоть. Мокрый от слюны и желудочного сока дрессировщик, вставая с пола, вновь грохнулся от брошенного в него клубка из своего полудохлого питомца и с выпученными от страха глазами моментально скрылся за дверью.

А вот вторая парочка оказалась более смелой. Как потом рассказал глава семейства, они за моей спиной сделали ему предложение выступить у них в клубе:

- Вы заработаете столько денег, что хватит не только на красивые костюмы... Вы больше не будете выступать голыми! – уговаривал он всю семью до моего прихода.

- Жаль! А чем Вы будете кормить нас? – спросил голодный после представления Виктор, расстроенный тем, что его опять хотят заставить одеться.

- У нас так не принято. Каждый покупает себе то, что он хочет.

- У нас тоже так не принято. Моя семья ест то, что приносит наш друг! А если ты просишь, чтобы мы у тебя работали, но не собираешься кормить, значит, ты хочешь нас обмануть. Такой человек не должен ходить по земле! – с этими словами он подтолкнул его спутницу к своей жене, а сам надел свой рот на голову собеседника по самую грудь, перевернул его вверх ногами, и тот под своим весом проскочил по скользкому пищеводу прямиком желудок. То же самое сделала его жена под короткий визг испуганной женщины.

К счастью, я вовремя пришёл и все остались живы. Никто не успел перевариться. Когда агитаторы в полуобморочном состоянии, мокрые и красные, как варёные раки, вывалились на пол, пришлось срочно их раздевать и мыть под холодным душем, чтобы кожа не покрылась волдырями. Только спустя полчаса мне удалось с ними поговорить.

- Значит, Вы хотите, чтобы мои друзья выступали в Вашем клубе?

- Да. Это было бы просто великолепно и привлекло бы огромное количество денег. Ой, то есть посетителей. Хотя разница не велика.

- А что он из себя представляет? Кто туда ходит, чем занимается?

- Наш контингент настолько разный, что пришлось разбить их на несколько групп.

- Интересно...

- Есть группа мазохистов, группа садистов... я сейчас всех не вспомню, но самая интересная из них – самоубийцы. Я думаю, ваши подопечные будут рады помочь им уйти из жизни и не искать способы покончить с собой. Вот только эта группа малочисленная, на всю Вашу араву не хватит.

- Сколько их?

- Каждую неделю число меняется. Когда пятеро придут, когда двое. И всё разные. Одни и те же появляются только тогда, когда медики успевают их спасти. Мы бы могли за определённую плату, помогать им «контролировать численность».

- Допустим, я соглашусь... И каков будет гонорар за выступление?

- Половина от купленных билетов.

- Семьдесят на тридцать.

Собеседник вздрогнул от клацнувших зубов кого-то из моих артистов и...

- Согласен, – шумно выдохнул он и облегчённо прикрыл глаза.